

только с его принадлежностью к газетной или журнальной полосе (рассказ тоже может быть опубликован в периодической печати), но и прежде всего с оперативной постановкой проблемы, с ее актуальностью. Проблема в беллетризованном фельетоне обобщается и рассматривается с точки зрения различных аспектов. Автор же сатирического рассказа может обыгрывать просто частный факт, зачастую вымышленный, но вполне возможный. Если беллетристическое повествование переходит в публицистические размышления, в которых явно звучит авторский голос, то принадлежность данного текста к жанру фельетона сомнений не вызывает.

В то же время приходится признать, что граница между беллетризованным фельетоном и сатирическим рассказом довольно подвижна. Будем придерживаться нескольких критериев разграничения.

Сатирический рассказ может не требовать принятия немедленных мер. Его цель – привлечь внимание к подспудным процессам, происходящим в действительности, а освещение конкретных фактов не является его самоцелью, в отличие от фельетона.

С художественной точки зрения в сатирическом рассказе даются законченные характеры персонажей, а повествовательная структура любого фельетона, в том числе и беллетризованного, не требует обязательного создания сатирического характера. Герой фельетона может быть повернут к читателю какой-то одной своей стороной. Это уже сложившийся статический тип.

В фельетоне, в отличие от рассказа, совершенно необязательно сюжетное завершение конфликта, наличие развязки. Фельетонист может оборвать развитие действия, когда характеристика героя (ситуации) становится исчерпывающей.

Итак, мы можем сказать, что и сатирическая публицистика в целом, и фельетон являлись и до сих пор являются предметом многочисленных споров исследователей. Нужна современная разработанная теория фельетона.

Ссылки

1. Дземидок Б. О комическом. – М., 1974. – С. 9.
2. Дземидок Б. Указ. соч., с. 108.
3. Симкин Я.Р. Сатирическая публицистика. – Ростов-на-Дону, 1976. – С. 36.
4. Там же. – С. 39.
5. Там же. – С. 41.
6. Там же. – С. 51.
7. Стрельцов Б. В. Фельетон. Теория и практика жанра. Минск, 1983. – С. 19.
8. Курляндская С. В. Фельетон – жанр сатирический. (По материалам советской литературы и критики 20-х годов). – М., 1967. – С. 21.
9. Кройчик Л. Е. Современный газетный фельетон. – Воронеж, 1975. – С. 62.
10. Ершов Л. Ф. Сатирический рассказ в «Крокодиле» (1946-1955) // Вопросы советской литературы [Сборник № 5]. – М.-Л., 1957.
11. Двалишвили Р. В. Некоторые вопросы жанровых особенностей фельетона: Автореф... дис. канд. филол. наук. – Тбилиси, 1971. – С. 12.
12. Там же. – С. 13.
13. Зорич А. Я за «краски!» // Журналист. – 1926. – № 11. – С. 6-8.
14. Заславский Д. И. Фельетон в газете. – М., 1952. – С. 23.

Использованная литература

1. Виленский М. Э. Как написать фельетон. – М.: Мысль, 1982. – 208 с.
2. Двалишвили Р. В. Некоторые вопросы жанровых особенностей фельетона: Автореф... дис. канд. филол. наук. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. – 22 с.
3. Дземидок Б. О комическом. – М.: Прогресс, 1974. – 224 с.
4. Ершов Л. Ф. Из истории советской сатиры. М.Зошенко и сатирическая проза 20 – 40-х годов. – Л.: Наука, 1973. – 156 с.
5. Заславский Д. И. Истоки и пути фельетона. – М.: Издательство журнала «Огонек», 1931. – 96 с.
6. Зорич А. Я за «краски!» // Журналист. – 1926. – № 11. – С. 6-8.
7. Кройчик Л. Е. Современный газетный фельетон. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1975. – 230 с.
8. Курляндская С. В. Фельетон – жанр сатирический: По материалам советской литературы и критики 20-х годов. – М., 1967. – 32 с.
9. Симкин Я. Р. Сатирическая публицистика. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1976. – 176 с.
10. Стрельцов Б. В. Фельетон: Теория и практика жанра. – Минск: Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1983. – 64 с.

Трегубова Е. Н., Емельянова М. В.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА «СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД КУБАНИ»: КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСИЯ¹

В русской диалектологии традиционно сложились ведущие направления – такие, как выявление и характеристика противопоставленных различий южнорусского и севернорусского наречий (фонетика, грамматика, лексика диалектов), вычленение и характеристика групп говоров внутри наречий, исследования, посвященные системным отношениям одного говора или группы говоров. Актуальной являлась проблема вычленения из лексической системы говора общерусской лексики и собственно диалектной. Последней задаче, собственно, и была поставлена на службу диалектная лексикография. Основным типом диалектного словаря стал словарь дифференциального типа, освещающий лишь часть лексического массива диалекта – окказиональную, по сравнению с единицами литературного русского языка. Единичными были попытки преодоления сложившейся традиции – создание полного словаря говора (томская диалектологическая школа) [1]. И даже такой словарь, выполненный по принципу расположения всего лексического массива в алфавитном порядке, абсолютно расчленил существующий диалектный текст, делая лингвистический анализ затруднительным, так как ему (анализу) должен был предшествовать этап выборки из словаря необходимых лингвисту элементов. Что же касается грамматического плана исследования, то вполне понятно, таковой осуществлять крайне сложно. Как правило, он требовал дополнительной работы в картотеках словарей.

Практика анализа диалекта как речевого континуума не сложилась по ряду причин. Диалект традиционно рассматривался как вариант национального языка, имеющий устную форму бытования, как речь спонтанная, неофициальная, ориентированная, как правило, на диалог. Сбор диалектного материала производился по вопросам, нацеленным на выявление собственно диалектного лексического пласта. Поэтому даже записи диалектной речи, содержащиеся в экспедиционных тетрадях, фрагментарны.

Дискурсивная лингвистика сегодня не случайно становится частью антропоцентрической, привнося в последнюю новые технологии получения, описания и интерпретации материала. Интерес современной науки к дискурсу, в центре которого находится *homo loquens*, к языковой личности как феномену индивидуального и коллективного формирует и новый взгляд в среде диалектологов на диалект как на целостный коммуникативный континуум, который может рассматриваться как совокупность культурных текстов, репрезентированных в местной речи. Одним из способов получения такого рода текстов является фиксация (в виде аудио- и видео-записей) диалектных текстов, в которых представлена интерпретация определенного участка действительности, актуального для данной культуры [2].

Корпус текстов, полученный от местного населения, в котором описывается жителями Кубани свадебный обряд (в дальнейшем именуемый нами *свадебный дискурс*), можно считать метатекстом, «верхним текстом», имея в виду, что здесь нет фиксации самого свадебного обряда в его свершении, а есть лишь вторичный народный текст, построенный на основе воспоминаний, инициированных собирателем-лингвистом [3]. И тем не менее следует считать, что в определенной степени он представляет собой целостный культурный текст, включающий и обрядовые песни, свадебную шутку, т. е. является в определенной степени имитационным.

Грамматический словарь дискурса обращает исследователя к проблемам коммуникативной грамматики, предъявляя реальную (речевую) грамматическую парадигму, в которой одни позиции отмечены высоким коэффициентом частотности, в то время как другие могут быть нулевыми. Такая избирательность может быть продиктована комплексом разных факторов, проявляющих себя в большей или меньшей степени в каждом отдельном случае: темой дискурса, установками говорящего лица, этнокультурными причинами и др.

Смещение акцента с языковой парадигмы на речевую, на наш взгляд, актуально в исследованиях лингвокультурного текста, так как позволяет обнаружить взаимосвязь между грамматическим уровнем речи и культурными и коммуникативными установками говорящего. Это представляет интерес тем более, что мы изучаем в данном случае даже не речевое произведение одного лица как представителя конкретной лингвокультуры, а в качестве единицы изучения берем корпус текстов, полученных от разных информантов в рамках одной лингвокультуры. Такой корпус текстов называем *лингвокультурным дискурсом*, рассматривая его при этом как феномен, порождаемый *языковой личностью* кубанской этнокультуры. В лингвокультурологии ЯЛ понимается как базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, «семантический фоторобот», составленный на основе мировоззренческих установок, ценностей, приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная» [4; 66]. Как видно из определения, внимание исследователей направлено на лексико-семантический уровень языка. Думаем, что грамматический уровень не менее интересен и содержит скрытые, возможно, глубинные характеристики, присущие лингвокультуре. Выбор говорящим лицом речевой стратегии определяет и выбор регистров речи, что, в свою очередь, обуславливает активность (востребованность) одних грамматических форм и абсолютную пассивность (невостребованность) других [5]. Природа устной – а диалектной речи в особенности – такова, что основывается на сложившихся традиционных моделях речепорождения.

Словарь проявляет, демонстрирует типичное в лингвокультуре. Типичное выражено в частотности лексем, словоформ, частей речи, лексико-семантических разрядов слов. Безусловно, какие-то закономерности окажутся типичными не только для данной культуры, но и для разговорной русской лингвокультуры в целом. Отметим при этом, что несмотря на активный рост интереса российского научного сообщества к дискурсу, разговорная речь в этом аспекте остается мало изученной.

Следует отметить уникальность описываемого нами материала. Говоры западной части Кубани сложились, как известно, на базе украинских говоров в русскоязычных условиях, в условиях тесного контакта с донскими говорами, русской разговорной речью, литературной русской речью. И тем не менее они сохранили и сегодня своеобразие на разных уровнях системы. Это хорошо отражает грамматический словарь.

Полученные тексты неоднородны, каждый рассказчик более подробно останавливается на разных этапах и деталях свадебного обряда – сватовство, девичник, наряд невесты, свадебный стол, приезд жениха, выкуп, приданое, куры и др. Представим фрагмент дискурса: *На линейки молодых возылы, а на другой днь ужэ на пидводи вызлы. И прыйшла сюда ж на другой днь до старих, цэ ж молоди. Молоди гулялы, у нэй було розовое плате, а у ёго розовая рубашка була, виде шоб одинаковое було. Цэ ж жэних набирав еи на плате, а сибі розовое на рубашку. Ну, йиздылы на линейки расписоваца и на пидводах, а ти молоди на линейки. № 01-36, х. Греки, Панкова А. П.*

Компьютерная обработка корпуса текстов производится с помощью оригинального программного обеспечения, учитывающего специфику диалектных текстов, позволяющего автоматизировать работу лингвиста-исследователя на всех этапах – от первичной обработки (получение словоуказателей и различных частотных словарей) до формирования полиграфического варианта словарных статей. Программное обеспечение разработано в научном диалоге инициаторами настоящего проекта [6; с. 7].

В результате компьютерной обработки мы получили полное лексикографическое описание дискурса в виде частотных словников словоформ, лексем, обратного словаря, словаря начальных форм и парадигм, а также статистическое описание дискурса. Совокупность полученных словарей и словников представляет нам реальную жизнь слова в диалектной речи, так как содержит его исчерпывающий грамматический портрет. Отдельная единица представлена сразу как комплекс словоформ и количество словоупотреблений. Кроме того, полученные статистические данные и словники (списки лексико-грамматических групп (ЛГГ) слов, отсортированные по алфавиту и по частоте; сравнительные таблицы статистических характеристик ЛГГ) позволяют описать грамматику дискурса в целом.

	Количество лексем	Количество словоупотреблений	Процент лексем	Процент словоупотреблений
Глаг.	483	1590	38,1	21,4

Сущ.	410	1737	32,3	23,4
Нареч.	107	697	8,4	9,4
Прил.	85	251	6,7	3,4
Мест.	37	991	2,9	13,3
Предл.	23	665	1,8	8,9
Устойч.	22	32	1,7	0,4
Част.	21	473	1,7	6,4
Союз.	20	791	1,6	10,6
Числ.	19	78	1,5	1,0
МС	15	62	1,2	0,8
Н.	15	34	1,2	0,5
Субст.	5	7	0,4	0,1
Межд.	4	22	0,3	0,3
КС	3	4	0,2	0,1
Итого	1269	7434	100,0	100,0

Приведем фрагмент списка ЛГГ существительных, отсортированного по частоте.

НЕВЕСТА/НЭВЭСТА/НИВЭСТА	164	БУТЫЛКА	17
ЖЭНИХ/ЖЖЭНЫХ/ЖЫНИХ/ЖЫНЫХ	107	КАРАВАЙ	16
СВАДЬБА/СВАЙБА	58	ВОТКА	15
МАТЬ/МАТЕРЬ/МАТЭРЬ	49	ЦВЕТЫ/ЦВИТЫ/ЦВЭТЫ	15
ДЕНЬ/ДИНЬ/ДЭНЬ	39	ДОМ	14
СТИЛ/СТОЛ	33	БОЯРЫН/БОЯРИН	13
СВАТ	30	ВИКОНА/ИКОНА	13
БАТЬКО	27	ВЫКУП	13
БАТЬКЫ/БАТЬКИ	21	ГИЛЬЦЕ/ГИЛЬЦЭ	13
РОДИТЕЛИ/РОДЫТЕЛИ/РОДЫТЭЛИ	21	РАЗ	13
ДРУЖКА/ДРУШКА	20	ДРУЖКО	12
КУРЫ	20	МАШЫНА	12
ЛЮДИ/ЛЮДЫ	19	СТАРОСТА	12
ШЫШКА	19	ХАТА	12

Как видим, наибольшей частотой характеризуются существительные основных микротем дискурса: событие, субъекты деятельности, атрибуты, место действия, время действия. На уровне же словоформы наиболее частотными оказываются компоненты дискурса, называющие субъект действия (одиночный или множественный) прямо или косвенно: существительные и местоимения:

нэвиста//нэвэста//нивеста	61
вона, она	53
воны, оны, они	44
жэных//жэних	41
вин, он	37
мини	30
сваты	19
батька	16
маты//матерь//мать	14
батьки, ы	13

Субъект чаще представлен множественно – *сваты, батькы, друшкы, молоди*, что соответственно влияет на выбор предиката – глаголы 3 лица мн. ч. настоящего или прошедшего времени. Разнообразие субъектов, богатство их функций выражается, естественно, широким списком предикатов, именующих наиболее актуальные обрядовые действия.

1 роспывають	1 засватають	1 перевязують
1 ращэсывають	1 катають	5 пэрэвязують
4 дають	1 качають	1 купують
1 раздають	3 назначають	
3 продають	1 прыглашають	
3 сажають	4 прыходють	
5 наряжають	2 ставлють	
4 делають	1 садовлють	
6 начинають	1 поють	
2 забирають	2 кроють	
2 забырають	1 подарують	

Речевой материал словаря содержит информацию, на основе которой можно реконструировать действительно присущую говору начальную форму, установить возможную вариантность. Например, на основе грамматической парадигмы *ВЫКУПАВ* 1 *ВЫКУПЛЯЕ* 1 *ВЫКУПЛЯЛЫ* 1 *ВЫКУПЛЯЮТЬ* 1 выводятся варианты формы инфинитива *ВЫКУПЛЯТЬ* 3 / *ВЫКУПАТЬ* 1. Как видим, *ВЫКУПЛЯТЬ* более частотная, вторая форма используется как вариантная под влиянием русского языка.

Если на первом этапе мы получаем функциональные характеристики, то есть речевую парадигму лексемы, то на этапе разработки словарной статьи выводится начальная форма на основе показателей первого этапа. Модель словарной статьи ГС для разных частей речи может иметь следующий вид:

СВАЙБА 38 / СВАДЬБА 20 58 Сущ.

Ед. ч.		Мн. Ч.	
И. СВАЙБА 15 / СВАДЬБА 5			0
Р. СВАДЬБЫ 4 / СВАЙБЫ 1		СВАЙБИВ	1
Д. 0			0
В. СВАДЬБУ 7 / СВАЙБУ 13		СВАЙБЫ	3
Т. СВАДЬБОЙ 1			0
П. СВАДЬБЕ 3 / СВАЙБЕ 2 / СВАЙБИ 2		СВАЙБАХ	1

ПЭРЭВЯЗОВАТЬ 8 / ПЕРЕВЬЯЗОВАТЬ 5 13 Глаг.

РН	Н.-Б.	1, 2 0		Пр.	0
		3 4	ПЕРЕВЬЯЗУЕ 2 /		0
			ПЫРЫВЬЯЗУЕ 1 /		
			ПЭРЭВЬЯЗУЕ 1		
Мн. Ч.		1, 2 0			0
		3 8	ПЭРЭВЯЗУЮТЬ 4	ПЭРЭВЯЗОВАЛЫ	1
			ПЫРЫВЬЯЗУЮТЬ 1 /		
			ПЭРЭВЯЗУЮТЬ 1 /		
			ПЭРЭВЯЗУЮТ 1 /		
			ПЕРЕВЯЗУЮТЬ 1		

ИН 0

МОЛОДЫЙ, -А, -И 15 Прил.

И. МОЛОДЫЙ 1	МОЛОДА 1	МОЛОДИ 4 / МУЛУДИ 3
Р. (до) МОЛОДОГО 2	0	0
Д. 0	0	0
В. 0	МОЛОДУЮ 2	МОЛОДЫХ 2
Т. 0	0	0
П. 0	0	0
Ср. Р. 0		

Таким образом, комплексное лексикографическое описание дискурса определяет новые аспекты развития современных лингвистических исследований. Разработанное программное обеспечение позволяет обрабатывать корпусы текстов, лексические единицы которых получают исчерпывающее описание в виде статистических, системных, функциональных характеристик. На основе такого лексикографического комплекса могут проводиться специальные исследования и в дальнейшем могут быть получены разные типы лингвистических и культурологических словарей.

Источники и литература

1. Полный словарь сибирского говора. – Томск, 1992. – Т. 1.
2. Трегубова Е. Н. Диалектный дискурс: новые аспекты изучения // Вестник СГПИ. – № 1 (1). – 2005. – С. 17-22.
3. Трегубова Е. Н. Кубанский лингвокультурный дискурс «Свадьба» и его лексикографическое описание: к вопросу о научной версии современного диалектного словаря // Региональное своеобразие языка и культурных традиций кубанского фольклора. Коллективная монография. – Славянск-на-Кубани, 2005. – С. 9-20.
4. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
6. Емельянова М. В., Трегубова Е. Н. Применение информационных технологий при обработке лингвокультурного дискурса. Материалы XXXIII Международной филологической конференции, вып. 25, секция прикладной и математической лингвистики, том 2 (15-20 марта 2004 г., филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета). – СПб., 2004. – С. 38-44.
7. Емельянова М. В., Трегубова Е. Н. Гипертекстовый мультимедийный словарь лингвокультурного дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М., 2004. – С. 472-473.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда исследований и Департамента образования и науки Краснодарского края (проект № 06-04-38404 а/Ю).